

Макар Чудра

С моря дул влажный, холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные, желтые листья и бросали их в костер, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева - безграничную степь, справа - бесконечное море и прямо против меня - фигуру Макара Чудры, старого цыгана, - он сторожил коней своего табора, раскинутого шагах в пятидесяти от нас. Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют ее, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивал из своей громадной трубки, выпускал изо рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову в мертво молчавшую темноту степи, разговаривал со мной, не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра. - Так ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбрал себе, сокол. Так и надо: ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай - вот и все! - Жизнь? Иные люди? - продолжал он, скептически выслушав мое возражение на его "Так и надо". - Эге! А тебе что до того? Разве ты сам - не жизнь? Другие люди живут без тебя и проживут без тебя. Разве ты думаешь, что ты кому-то нужен? Ты не хлеб, не палка, и не нужно тебя никому. - Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться сделать людей счастливыми? Нет, не можешь. Ты поседей сначала, да и говори, что надо учить. Чему учить? Всякий знает, что ему нужно. Которые умнее, те берут что есть, которые поглупее - те ничего не получают, и всякий сам учится... - Смешные они, те твои люди. Сбились в кучу и давят друг друга, а места на земле вон сколько, - он широко повел рукой на степь. - И все работают. Зачем? Кому? Никто не знает. Видишь, как человек пашет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в нее и сгниет в ней. Ничего по нем не останется, ничего он не видит с своего поля и умирает, как родился, - дураком. - Что ж, - он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, не успев даже могилы самому себе выковырять? Ведома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце? Он раб - как только родился, всю жизнь раб, и все тут! Что он с собой может сделать? Только удавиться, коли поумнеет немного. - А я, вот смотри, в пятьдесят восемь лет столько видел, что коли написать все это на бумаге, так в тысячу таких торб, как у тебя, не положишь. А ну-ка, скажи, в каких краях я не был? И не скажешь. Ты и не знаешь таких краев, где я бывал. Так нужно жить: иди, иди - и все тут. Долго не стой на одном месте - чего в нем? Вон как день и ночь бегают, гоняясь друг за другом, вокруг земли, так и ты бегай от дум про жизнь, чтоб не разлюбить ее. А задумаешься - разлюбишь жизнь, это всегда так бывает. И со мной это было. Эге! Было, сокол. - В тюрьме я сидел, в Галичине. "Зачем я живу на свете?" - помыслил я со скуки, - скучно в тюрьме, сокол, э, как скучно! - и взяла меня тоска за сердце, как посмотрел я из окна на поле, взяла и сжала его клещами. Кто скажет, зачем он живет? Никто не скажет, сокол! И спрашивать себя про это не надо. Живи, и все тут! И похаживай да посматривай кругом себя, вот и тоска не возьмет никогда. Я тогда чуть не удавился поясом, вот как! - Хе! Говорил я с одним человеком. Строгий человек, из ваших, русских. Нужно, говорит он, жить не так, как ты сам хочешь, а так, как сказано в божьем слове. Богу покоряйся, и он даст тебе все, что попросишь у него. А сам он весь в дырках, рваный. Я и сказал ему, чтобы он себе новую одежду попросил у бога. Рассердился он и прогнал меня, ругаясь. А до того говорил, что надо прощать людей и любить их. Вот бы и простил мне, коли моя речь обидела его милость. Тоже - учитель! Учат они меньше есть, а сами едят по десять раз в сутки. Он плюнул в костер и замолчал, снова набивая трубку. Ветер выл жалобно и тихо, во тьме ржали кони, из табора плыла нежная и страстная песня-думка. Это пела красавица Нонка, дочь Макара. Я знал ее голос густого, грудного тембра, всегда как-то странно, недовольно и требовательно звучащий - пела ли она песню, говорила ли "здравствуй". На ее смуглом, матовом лице замерла надменность царицы, а в подернутых какой-то тенью темно-карих глазах сверкало сознание неотразимости ее красоты и презрение ко всему, что не она сама. Макар подал мне трубку. - Кури! Хорошо поет девка? То-то! Хотел бы, чтоб такая тебя полюбила? Нет? Хорошо! Так и надо - не верь девкам и держись от них дальше. Девке целоваться лучше и приятней, чем мне трубку курить, а поцеловал ее - и умерла воля в твоём сердце. Привяжет она тебя к себе чем-то, чего не видно, а порвать - нельзя, и отдашь ты ей всю душу. Верно!

Берегись девок! Лгут всегда! Люблю, говорит, больше всего на свете, а ну-ка, уколи ее булавкой, она разорвет тебе сердце. Знаю я! Эге, сколько я знаю! Ну, сокол, хочешь, скажу одну быль? А ты ее запомни и, как запомнишь, - век свой будешь свободной птицей. "Был на свете Зобар, молодой цыган, Лойко Зобар. Вся Венгрия, и Чехия, и Славония, и все, что кругом моря, знало его, - удалый был малый! Не было по тем краям деревни, в которой бы пяток-другой жителей не давал богу клятвы убить Лойко, а он себе жил, и уж коли ему понравился конь, так хоть полк солдат поставь сторожить того коня - все равно Зобар на нем гарцевать станет! Эге! разве он кого боялся? Да приди к нему сатана со всей своей свитой, так он бы, коли б не пустил в него ножа, то наверно бы крепко поругался, а что чертям подарил бы по пинку в рыла - это уж как раз! И все таборы его знали или слышали о нем. Он любил только коней и ничего больше, и то недолго - поедит, да и продаст, а деньги, кто хочет, тот и возьми. У него не было заветного - нужно тебе его сердце, он сам бы вырвал его из груди, да тебе и отдал, только бы тебе от того хорошо было. Вот он какой был, сокол! Наш табор кочевал в то время по Буковине, - это годов десять назад тому. Раз - ночью весенней - сидим мы: я, Данило-солдат, что с Кошутом воевал вместе, и Нур старый, и все другие, и Радда, Данилова дочка. Ты Нонку мою знаешь? Царица девка! Ну, а Радду с ней равнять нельзя - много чести Нонке! О ней, этой Радде, словами и не скажешь ничего. Может быть, ее красоту можно бы на скрипке сыграть, да и то тому, кто эту скрипку, как свою душу, знает. Много посушила она сердец молодецких, ого, много! На Мораве один магнат, старый, чубатый, увидал ее и остолбенел. Сидит на коне и смотрит, дрожа, как в огневице. Красив он был, как черт в праздник, жупан шит золотом, на боку сабля, как молния, сверкает, чуть конь ногой топнет, вся эта сабля в камнях драгоценных, и голубой бархат на шапке, точно неба кусок, - важный был господарь старый! Смотрел, смотрел, да и говорит Радде: "Гей! Поцелуй, кошель денег дам". А та отвернулась в сторону, да и только! "Прости, коли обидел, взгляни хоть поласковой", - сразу сбавил спеси старый магнат и бросил к ее ногам кошель - большой кошель, брат! А она его будто невзначай пнула ногой в грязь, да и все тут. - Эх, девка! - охнул он, да и плетью по коню - только пыль взвилась тучей. А на другой день снова явился. "Кто ее отец?" - громом гремит по табору. Данило вышел. "Продай дочь, что хочешь возьми!" А Данило и скажи ему: "Это только паны продают все, от своих свиней до своей совести, а я с Кошутым воевал и ничем не торгую!" Взревел было тот, да и за саблю, но кто-то из нас сунул зажженный трут в ухо коню, он и унес молодца. А мы снялись, да и пошли. День идем и два, смотрим - догнал! "Гей вы, говорит, перед богом и вами совесть моя чиста, отдайте девку в жены мне: все поделю с вами, богат я сильно!" Горит весь и, как ковыль под ветром, качается в седле. Мы задумались. - А ну-ка, дочь, говори! - сказал себе в усы Данило. - Кабы орлица к ворону в гнездо по своей воле вошла, чем бы она стала? - спросила нас Радда. Засмеялся Данило, и все мы с ним. - Славно, дочка! Слышал, господарь? Не идет дело! Голубок ищи - те податливей. - И пошли мы вперед. А тот господарь схватил шапку, бросил ее оземь и поскакал так, что земля задрожала. Вот она какова была Радда, сокол! - Да! Так вот раз ночью сидим мы и слышим - музыка плывет по степи. Хорошая музыка! Кровь загоралась в жилах от нее, и звала она куда-то. Всем нам, мы чуяли, от той музыки захотелось чего-то такого, после чего бы и жить уж не нужно было, или, коли жить, так - царями над всей землей, сокол! Вот из темноты вырезался конь, а на нем человек сидит и играет, подъезжая к нам. Остановился у костра, перестал играть, улыбаясь, смотрит на нас. - Эге, Зобар, да это ты! - крикнул ему Данило радостно. Так вот он, Лойко Зобар! Усы легли на плечи и смешались с кудрями, очи, как ясные звезды, горят, а улыбка - целое солнце, ей-богу! Точно его ковали из одного куска железа вместе с конем. Стоит весь, как в крови, в огне костра и сверкает зубами, смеясь! Будь я проклят, коли я его не любил уже, как себя, раньше, чем он мне слово сказал или просто заметил, что и я тоже живу на белом свете! Вот, сокол, какие люди бывают! Взглянет он тебе в очи и полонит твою душу, и ничуть тебе это не стыдно, а еще и гордо для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли мало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то! А слушай-ка дальше. Радда и говорит: "Хорошо ты, Лойко, играешь! Кто это делал тебе скрипку такую звонкую и чуткую?" А тот смеется: "Я сам делал! И сделал ее не из дерева, а из груди молодой девушки, которую любил крепко, а струны из ее сердца мною свиты. Врет еще немного скрипка, ну, да я умею смычок в руках держать!" Известно, наш брат старается сразу затуманить девке очи, чтоб они не зажгли его сердца, а сами подернулись бы по тебе грустью, вот и Лойко тож. Но - не на ту попал. Радда отвернулась в сторону и, зевнув, сказала: "А еще говорили, что Зобар умен и

ловок, - вот лгут люди!" - и пошла прочь. - Эге, красавица, у тебя острые зубы! - сверкнул глазами Лойко, слезая с коня. - Здравствуйте, братья! Вот и я к вам! - Просим гостя! - сказал Данило в ответ ему. Поцеловались, поговорили и легли спать... Крепко спали. А наутро, глядим, у Зобара голова повязана тряпкой. Что это? А это конь зашиб его копытом сонного. Э, э, э! Поняли мы, кто тот конь, и улыбнулись в усы, и Данило улыбнулся. Что ж, разве Лойко не стоил Радды? Ну, уж нет! Девка как ни хороша, да у ней душа узка и мелка, и хоть ты пуд золота повесь ей на шею, все равно, лучше того, какова она есть, не быть ей. А, ну ладно! Живем мы да живем на том месте, дела у нас о ту пору хорошие были, и Зобар с нами. Это был товарищ! И мудр, как старик, и сведущ во всем, и грамоту русскую и мадьярскую понимал. Бывало, пойдет говорить - век бы не спал, слушал его! А играет - убей меня гром, коли на свете еще кто-нибудь так играл! Проведет, бывало, по струнам смычком - и вздрогнет у тебя сердце, проведет еще раз - и замрет оно, слушая, а он играет и улыбается. И плакать и смеяться хотелось в одно время, слушая его. Вот тебе сейчас кто-то стонет горько, просит помощи и режет тебе грудь, как ножом. А вот степь говорит небу сказки, печальные сказки. Плачет девушка, провожая добра молодца! Добрый молодец кличет девицу в степь. И вдруг - гей! Громом гремит вольная, живая песня, и само солнце, того и гляди, затанцует по небу под ту песню! Вот как, сокол! Каждая жила в твоём теле понимала ту песню, и весь ты становился рабом ее. И коли бы тогда крикнул Лойко: "В ножи, товарищи!" - то и пошли бы мы все в ножи, с кем указал бы он. Все он мог сделать с человеком, и все любили его, крепко любили, только Радда одна не смотрит на парня; и ладно, коли бы только это, а то еще и подсмеивается над ним. Крепко она задела за сердце Зобара, то-то крепко! Зубами скрипит, дергая себя за ус, Лойко, очи темнее бездны смотрят, а порой в них такое сверкает, что за душу страшно становится. Уйдет ночью далеко в степь Лойко, и плачет до утра его скрипка, плачет, хоронит Зобарову волю. А мы лежим да слушаем и думаем: как быть? И знаем, что, коли два камня друг на друга катятся, становиться между ними нельзя - изувечат. Так и шло дело. Вот сидели мы, все в сборе, и говорили о делах. Скучно стало. Данило и просит Лойко: "Спой, Зобар, песенку, повесели душу!" Тот повел оком на Радду, что неподалеку от него лежала кверху лицом, глядя в небо, и ударил по струнам. Так и заговорила скрипка, точно это и вправду девичье сердце было! И запел Лойко:

Гей-гей! В груди горит огонь, А степь так широка! Как ветер, быстр мой борзый конь, Тверда моя рука!

Повернула голову Радда и, привстав, усмехнулась в очи певуну. Вспыхнул, как заря, он.

Гей-гоп, гей! Ну, товарищ мои! Поскачем, что ль, вперед!? Одета степь суровой мглой, А там рассвет нас ждет! Гей-гей! Летим и встретим день. Взвивайся в вышину! Да только гривой не задень Красавицу луну!

Вот пел! Никто уж так не поет теперь! А Радда и говорит, точно воду цедит: - Ты бы не залетал так высоко, Лойко, неравно упадешь, да - в лужу носом, усы запачкаешь, смотри. - Зверем посмотрел на нее Лойко, а ничего не сказал - стерпел парень и поет себе:

Гей-гоп! Вдруг день придет сюда, А мы с тобою спим. Эй, гей! Ведь мы с тобой тогда В огне стыда сгорим!

- Это песня! - сказал Данило. - Никогда не слышал такой песни; пусть из меня сатана себе трубку сделает, коли вру я! Старый Нур и усами поводил, и плечами пожимал, и всем нам по душе была удалая Зобарова песня! Только Радде не понравилась. - Вот так однажды комар гудел, орлиный клекот передразнивая, - сказала она, точно снегом в нас кинула. - Может быть, ты, Радда, кнута хочешь? - потянулся Данило к ней, а Зобар бросил наземь шапку, да и говорит, весь черный, как земля: - Стой, Данило! Горячему коню - стальные удила! Отдай мне дочку в жены! - Вот сказал речь! - усмехнулся Данило. - Да возьми, коли можешь! - Добро! - молвил Лойко и говорит Радде: - Ну, девушка, послушай меня немного, да не кичись! Много я вашей сестры видел, эге, много! А ни одна не тронула моего сердца так, как ты. Эх, Радда, полонила ты мою душу! Ну что ж? Чему быть, так то и

будет, и... нет такого коня, на котором от самого себя ускакать можно б было!.. Беру тебя в жены перед богом, своей честью, твоим отцом и всеми этими людьми. Но смотри, воле моей не перечь - я свободный человек и буду жить так, как я хочу! - И подошел к ней, стиснув зубы, сверкая глазами. Смотрим мы, протянул он ей руку, - вот, думаем, и надела узду на степного коня Радда! Вдруг видим, взмахнул он руками и оземь затылком - грох!.. Что за диво? Точно пуля ударила в сердце малого. А это Радда захлестнула ему ременное кнутовище за ноги, да и дернула к себе, - вот отчего упал Лойко. И снова уж лежит девка не шевелясь да усмехается молча. Мы смотрим, что будет, а Лойко сидит на земле и сжал руками голову, точно боится, что она у него лопнет. А потом встал тихо, да и пошел в степь, ни на кого не глядя. Нур шепнул мне: "Смотри за ним!" И пополз я за Зобаром по степи в темноте ночной. Так-то, сокол!" Макал выколотил пепел из трубки и снова стал набивать ее. Я закутался плотнее в шинель и, лежа, смотрел в его старое лицо, черное от загара и ветра. Он, сурово и строго качая головой, что-то шептал про себя; седые усы шевелились, и ветер трепал ему волосы на голове. Он был похож на старый дуб, обожженный молнией, но все еще мощный, крепкий и гордый силой своей. Море шепталось по-прежнему с берегом, и ветер все так же носил его шепот по степи. Нонка уже не пела, а собравшиеся на небе тучи сделали осеннюю ночь еще темней. "Шел Лойко нога за ногу, повеся голову и опустив руки, как плети, и, придя в балку к ручью, сел на камень и охнул. Так охнул, что у меня сердце кровью облилось от жалости, но все ж не подошел к нему. Словом горю не поможешь - верно?! То-то! Час он сидит, другой сидит и третий не шелохнется - сидит. И я лежу неподалеку. Ночь светлая, месяц серебром всю степь залил, и далеко все видно. Вдруг вижу: от табора спешно Радда идет. Весело мне стало! "Эх, важно! - думаю, - удалая девка Радда!" Вот она подошла к нему, он и не слышит. Положила ему руку на плечо; вздрогнул Лойко, разжал руки и поднял голову. И как вскочит, да за нож! Ух, порежет девку, вижу я, и уж хотел, крикнув до табора, побежать к ним, вдруг слышу: - Брось! Голову разобью! - Смотрю: у Радды в руке пистоль, и она в лоб Зобару целит. Вот сатана девка! А ну, думаю, они теперь равны по силе, что будет дальше? - Слушай! - Радда заткнула за пояс пистоль и говорит Зобару: - Я не убить тебя пришла, а мириться, бросай нож! - Тот бросил и хмуро смотрит ей в очи. Дивно это было, брат! Стоят два человека и зверями смотрят друг на друга, а оба такие хорошие, удалые люди. Смотрит на них ясный месяц да я - и все тут. - Ну, слушай меня, Лойко: я тебя люблю! - говорит Радда. Тот только плечами повел, точно связанный по рукам и ногам. - Видала я молодцов, а ты удалей и краше их душой и лицом. Каждый из них усы себе бы сбрил - моргни я ему глазом, все они пали бы мне в ноги, захоти я того. Но что толку? Они и так не больно-то удалы, а я бы их всех обабилла. Мало осталось на свете удалых цыган, мало, Лойко. Никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю. А еще я люблю волю! Волю-то, Лойко, я люблю больше, чем тебя. А без тебя мне не жить, как не жить и тебе без меня. Так вот я хочу, чтоб ты был моим и душой и телом, слышишь? - Тот усмехнулся. - Слышу! Весело сердцу слушать твою речь! Ну-ка, скажи еще! - А еще вот что, Лойко: все равно, как ты ни вертись, я тебя одолею, моим будешь. Так не теряй же даром времени - впереди тебя ждут мои поцелуи да ласки... крепко целовать я тебя буду, Лойко! Под поцелуй мой забудешь ты свою удалую жизнь... и живые песни твои, что так радуют молодцов-цыган, не зазвучат по степям больше - петь ты будешь любовные, нежные песни мне, Радде... Так не теряй даром времени, - сказала я это, значит, ты завтра покоришься мне как старшему товарищу юнаку. Поклонишься мне в ноги перед всем табором и поцелуешь правую руку мою - и тогда я буду твоей женой. Вот чего захотела чертова девка! Этого и слыхом не слыхано было; только в старину у черногорцев так было, говорили старики, а у цыган - никогда! Ну-ка, сокол, выдумай что ни то посмешнее? Год поломаешь голову, не выдумаешь! Прянул в сторону Лойко и крикнул на всю степь, как раненный в грудь. Дрогнула Радда, но не выдала себя. - Ну, так прощай до завтра, а завтра ты сделаешь, что я велела тебе. Слышишь, Лойко? - Слышу! Сделаю, - застонал Зобар и протянул к ней руки. Она и не оглянулась на него, а он зашатался, как сломанное ветром дерево, и пал на землю, рыдая и смеясь. Вот как замаяла молодца проклятая Радда. Насилу я привел его в себя. Эхе! Какому дьяволу нужно, чтобы люди горе горевали? Кто это любит слушать, как стонет, разрываясь от горя, человеческое сердце? Вот и думай тут!.. Воротился я в табор и рассказал о всем старикам. Подумали и решили подождать да посмотреть - что будет из этого. А было вот что. Когда собрались все мы вечером вокруг костра, пришел и Лойко. Был он смутен и похудел за ночь страшно, глаза ввалились; он опустил их и, не подымая, сказал нам: - Вот какое дело, товарищи: смотрел в свое сердце этой ночью и не нашел

места в нем старой вольной жизни моей. Радда там живет только - и все тут! Вот она, красавица Радда, улыбается, как царица! Она любит свою волю больше меня, а я ее люблю больше своей воли, и решил я Радде поклониться в ноги, так она велела, чтоб все видели, как ее красота покорила удалого Лойко Зобара, который до нее играл с девушками, как кречет с утками. А потом она станет моей женой и будет ласкать и целовать меня, так что уже мне и песен петь вам не захочется, и воли моей я не пожалею! Так ли, Радда? - Он поднял глаза и сумно посмотрел на нее. Она молча и строго кивнула головой и рукой указала себе на ноги. А мы смотрели и ничего не понимали. Даже уйти куда-то хотелось, лишь бы не видеть, как Лойко Зобар упадет в ноги девке - пусть эта девка и Радда. Стыдно было чего-то, и жалко, и грустно. - Ну! - крикнула Радда Зобару. - Эге, не торопись, успеешь, надоеет еще... - засмеялся он. Точно сталь зазвенела, - засмеялся. - Так вот и все дело, товарищи! Что остается? А остается попробовать, такое ли у Радды моей крепкое сердце, каким она мне его показывала. Попробую же, - простите меня, братцы! Мы и догадаться еще не успели, что хочет делать Зобар, а уж Радда лежала на земле, и в груди у нее по рукоять торчал кривой нож Зобара. Оцепенели мы. А Радда вырвала нож, бросила его в сторону и, зажав рану прядью своих черных волос, улыбаясь, сказала громко и внятно: - Прощай, Лойко! я знала, что ты так сделаешь!.. - да и умерла... Понял ли девку, сокол?! Вот какая, будь я проклят на веки вечные, дьявольская девка была! - Эх! да и поклонюсь же я тебе в ноги, королева гордая! - на всю степь гаркнул Лойко да, бросившись наземь, прильнул устами к ногам мертвой Радды и замер. Мы сняли шапки и стояли молча. Что ты скажешь в таком деле, сокол? То-то! Нур сказал было: "Надо связать его!.." Не поднялись бы руки вязать Лойко Зобара, ни у кого не поднялись бы, и Нур знал это. Махнул он рукой, да и отошел в сторону. А Данило поднял нож, брошенный в сторону Раддой, и долго смотрел на него, шевеля седыми усами, на том ноже еще не застыла кровь Радды, и был он такой кривой и острый. А потом подошел Данило к Зобару и сунул ему нож в спину как раз против сердца. Тоже отцом был Радде старый солдат Данило! - Вот так! - повернувшись к Даниле, ясно сказал Лойко и ушел догонять Радду. А мы смотрели. Лежала Радда, прижав к груди руку с прядью волос, и открытые глаза ее были в голубом небе, а у ног ее раскинулся удалой Лойко Зобар. На лицо его пали кудри, и не видно было его лица. Стояли мы и думали. Дрожали усы у старого Данилы, и насупились густые брови его. Он глядел в небо и молчал, а Нур, седой, как лунь, лег вниз лицом на землю и заплакал так, что ходуном заходили его стариковские плечи. Было тут над чем плакать, сокол! ... Идешь ты, ну и иди своим путем, не сворачивая в сторону. Прямо и иди. Может, и не загинешь даром. Вот и все, сокол!" Макар замолчал и, спрятав в кисет трубку, запахнул на груди чекмень. Накрапывал дождь, ветер стал сильнее, море рокотало глухо и сердито. Один за другим к угасающему костру подходили кони и, осмотрев нас большими умными глазами, неподвижно останавливались, окружая нас плотным кольцом. - Гоп, гоп, эгой! - крикнул им ласково Макар и, похлопав ладонью шею своего любимого вороного коня, сказал, обращаясь ко мне: - Спать пора! - Потом завернулся с головой в чекмень и, могуче вытянувшись на земле, умолк. Мне не хотелось спать. Я смотрел во тьму степи, и в воздухе перед моими глазами плавала царственно красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку с прядью черных волос к ране на груди, и сквозь ее смуглые, тонкие пальцы сочилась капля по капле кровь, падая на землю огненно-красными звездочками. А за нею по пятам плыл удалой молодец Лойко Зобар; его лицо завесили пряди густых черных кудрей, и из-под них капали частые, холодные и крупные слезы... Усиливался дождь, и море распевало мрачный и торжественный гимн гордой паре красавцев цыган - Лойко Зобару и Радде, дочери старого солдата Данилы. А они оба кружились во тьме ночи плавно и безмолвно, и никак не мог красавец Лойко поравняться с гордой Раддой.

1892 г., Тифлис

Песня о Буревестнике

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет
Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и - тучи слышат
радость в смелом крике птицы.

В этом крике - жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе
слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, - стонут, мечутся над морем и на дно его готовы
спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, - им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром
ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник
реет смело и свободно над седым от пены морем!

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте
навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер
стаи волн объятые крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в
пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи,
пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, - гордый, черный демон бури, - и смеется, и рыдает... Он
над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома, - чуткий демон, - он давно усталость слышит, он уверен, что не
скроют тучи солнца, - нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и
в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, выются в море, исчезая, отраженья этих
молний.

- Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то
кричит пророк победы:

- Пусть сильнее грянет буря!..

1901 г.